

ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

И. Е. Бойцун,
кандидат филологических наук

Метаморфозы Тараса Шевченко периода ссылки

Десятилетие из жизни Тараса Шевченко, 1847-1857 годы, было под пристальным вниманием как его современников, так и последующих поколений биографов поэта, критиков, литературоведов. Традиционно в царской России малозаселенные, необжитые территории использовались как место для отбывания наказания так называемых «государственных преступников». Одним из таких мест был Оренбургский край, куда выслали за «возмутительные стихи» вольного художника Тараса Шевченко. Шевченковедение детально изучило этот период жизни и творчества украинского писателя, при этом ученые были единодушны в своих выводах: пребывание на воинской службе, вынужденная изоляция художника от общества, запрет писать и рисовать наложили определённый отпечаток на внутренний мир Мастера. Об этом говорили не только свидетельства близких друзей поэта, но и записи в «Дневнике», письма, написанные произведения. Цель данного исследования - проследить ключевые знаковые для Шевченко моменты, которые определили ряд метаморфоз в мировоззрении ссылке поэта и способствовали рождению поэта-пророка.

Задолго до периода ссылки, в самом начале своей творческой деятельности, он был поставлен перед выбором идеологии, ментальности, языка. Именно эту дилемму был вынужден до Шевченко решать Николай Гоголь. Его выбор общеизвестен, что даёт право современным литературоведам говорить о раздвоении личности прозаика и причинах болезни, преждевременной смерти. О кризисе, который пережил Шевченко в Петербурге в 1841-1842 годах, размышляет украинский учёный Оксана

Забужко и приходит к такому выводу: «Шевченко выбирал не просто между литературой и малярством – он выбирал между мифом (целостностью) и «темой» (частичностью), то есть, в социально-культурном измерении – между свободой («кобзарём» - демиургом национального мифологического космоса) и несвободой (модным художником имперской культуры) в себе самом».¹ Совершенствуясь, Шевченко прошёл три стадии восхождения к самому себе: эстетическую (художник – поэт), этическую (период «трёх лет») и религиозную (период ссылки). Лишь после полной инициации он смог стать целостной личностью. Следовательно, как ни парадоксально это звучит, пребывание поэта в ссылке только способствовало остаточной его трансформации в Мессию, Пророка.

Сам Шевченко после оглашения приговора пребывал в угнетённом состоянии духа, поскольку был полностью изолирован от своих сотоварищей. Об этом свидетельствует цикл стихотворений «В каземате», пронизанный мучительными размышлениями о неизвестном будущем, роке, который преследует поэта, невозможности жить в милых сердцу местах, а над всем этим витает образ смерти-косаря. Цикл, по сути, представляет собою монолог, в котором переплелись надежда, страх перед неизвестным, тоска по родным и в то же время – непреклонность перед властью царя.

К месту ссылки Тарас Шевченко был доставлен даже по тем меркам очень быстро: в течение восьми дней. Фёдор Лазаревский в воспоминаниях отмечал угнетённость опального художника, который не отвечал на попытки наладить с ним контакт. По прошествии времени ссылный как будто ожил, но его состояние описано в письме к Варваре Репниной от 14 ноября после возвращения экспедиции Бутакова в Оренбург: «Я очень-очень часто вспоминал в моём одиночестве Яготин и наши добрые и тихие разговоры. Мало времени прошло, но как много изменилось, по крайней мере, у меня! Вы б уже не узнали во мне бывшего по-глупому энтузиастического поэта. Нет, я теперь слишком рассудительным стал: представьте себе, в течение

¹ Забужко О. С. Шевченків міф України. Спроба філософського аналізу. – К.: «Абрис», 1997. – С. 97.

почти трёх лет ни одной идеи, ни одной вдохновенной мысли, – проза и проза, или, лучше сказать, степь и степь! Да, Варвара Николаевна, сам удивляюсь моим изменениям: нет теперь у меня ни тоски, ни радости, есть зато мир душевный и покой моральный аж до рыбьей хладнокровности. Будущее для меня не существует. Неужели постоянные несчастья могут так переделать человека. Да, так и есть. Я теперь только *підоплічка* (выделение И.Б.) бывшего Шевченко, и благодарю Бога».² Подобное утверждение никоим образом не увязывается с общеизвестной записью от 20 июня 1857 года из дневника писателя: «Странно ещё вот что. Все это неисповедимое горе, все роды унижения и поругания прошли, как будто не касаясь меня. Малейшего следа не оставили по себе. Опыт, говорят, есть лучший наш учитель. Но горький опыт прошёл мимо меня невидимкою. Мне кажется, что я точно тот же, что был и десять лет тому назад. Ни одна черта в моем внутреннем образе не изменилась. Хорошо ли это? Хорошо. По крайней мере, мне так кажется. И я от глубины души благодарю моего всемогущего создателя, что он не допустил ужасному опыту коснуться своими железными когтями моих убеждений, моих младенчески светлых верований. Некоторые вещи просветлели, округлились, приняли более естественный размер и образ».³ Приведённые отрывки из письма и дневника Шевченко – диаметрально противоположные и, на первый взгляд, не находят объяснения. Запрет царя «писать и рисовать» был изощрённым оружием уничтожения творческой личности, что и было зафиксировано в строках письма к Варваре Репниной. Несмотря на возможность рисовать и писать во время экспедиции на Аральское море, Шевченко не мог полностью реализоваться, потому что мир никогда не оценит его работы. Отсюда и фразы по поводу «бывшего Шевченко». Но затем ссыльному удалось переписать начисто и передать товарищам свои стихи, которые и стали тем лекарством от деградации:

Як же тебе не проклинать,

² Зайцев П. Життя Тараса Шевченка. – К.: АТ «Обереги», 1994. – С. 250.

³ Шевченко Т. Г. Автобіографія. Дневник. / Вступ. ст. В. Русановського. Прим. В. Бородини. – К.: Дніпро, 1988. – С. 50.

Лукавая доле?
Не проклену ж тебе, доле,
А буду ховатись
За валами. Та нищечком
Буду віршувати.
Нудить світом, сподіватись
У гості в неволю
Із-за Дніпра широкого
Тебе, моя доле!⁴

Поэт интуитивно осознал врачующую особенность творчества, искусства, что связано с компенсаторной функцией последнего, выделенной Ю.Бореевым: «Компенсаторная функция искусства имеет три основных аспекта: 1) отвлекающий (гедонистически-игровой и развлекательный); 2) утешающий; 3) собственно компенсаторный (способствующий духовной гармонии человека). Искусство своей гармонией влияет на внутреннюю гармонию личности, способствуя сохранению и восстановлению психического равновесия.... Искусство способно утешить человека, увести его в мир грёз. Своей гармонией оно даёт человеку равновесие, порой помогающее ему удержаться на краю жизненной пропасти».⁵ Выход из кризисной ситуации Шевченко нашёл в творчестве. Внутреннее состояние поэта отображено в стихотворении «Мов за подушне, оступили...», где автор признаётся:

Що діяти? Уже й гуляю
По цім Аралу; і пишу.
Віршую нищечком, грішу,
Бог зна колишніі случаї
В душі своїй перебираю
Та списую; щоб та печаль
Не перлася, як той москаль,

⁴ Шевченко Т. Кобзар. – Х.: Школа, 2002. – С. 398.

⁵ Бореев Ю. Б. Эстетика: В 2 т. – Смоленск: Русич, 1997. – Т. 1. – С. 259.

В самотню душу. Лютий злодій

Впирається-таки, та й годі.⁶

Ещё одной отличительной чертой творчества Шевченко периода ссылки является насыщенность поэтическими образами, связанными с родным краем – Украиной. Это связано с приоритетом бессознательного у творческих личностей, что приводит к получению установки на определённый набор образов. В частности, психолог К. Юнг утверждал: «Бессознательное, как историческая подпочва психики, содержит в себе в концентрированной форме весь последовательный ряд впечатков, обуславливавший с неизмеримо давних времен современную психическую структуру.... Эти отпечатки функций представляются в виде мифологических мотивов и образов, которые встречаются у всех народов, являясь отчасти тождественными, отчасти очень похожими друг на друга; их можно проследить без труда и в бессознательных материалах современного человека. Поэтому понятно, что среди бессознательных содержаний встречаются ярко выраженные животные черты или элементы, наряду с такими возвышенными образами, которые издревле сопровождали человека на его жизненном пути».⁷ Учитывая изоляцию Тараса Шевченко от привычного для него мира, можно объяснить наличие в произведениях 1847-1850 годов образов вишневого сада, белых домиков, вербы, казацких могил, Днепра и т.п. Совокупность ассоциаций и образов в творчестве писателя позволяет определить специфику его творческой манеры. Поскольку внутренний конфликт между художником и поэтом Шевченко пережил в ранний период творчества, для него основополагающим фактором является синкретизм в восприятии окружающего мира: «Визуальный код для Шевченко, художника-универсала, является базовым, потому что мир в его рецепции построен на полной и целостной зримости – именно она подлежит расшифровке и воссозданию, именно она освобождает глубинные смыслы

⁶ Шевченко Т. Кобзар. – Х.: Школа, 2002. – С. 419.

⁷ Юнг К. Г. Психологические типы/ Пер. с нем. С. Лорие, перераб. и доп. В.В.Зеленским; Под общей ред. В. В. Зеленского. – СПб.: Азбука, 2001. – С. 261.

бытия, которые позже были репрезентованы при посредничестве вторичной сигнальной системы – слова».⁸ Своё эмоциональное состояние опальный поэт передаёт при помощи зрительных образов «неумытого неба», «пожелтелой травы», «пустыни», «малой былинки», например:

І небо невмите, і заспані хвилі;
І понад берегом геть-геть
Неначе п'яний очерет
Без вітру гнеться. Боже милий!⁹

На эту особенность поэзии Шевченко обращает внимание Генералюк Л.: «У художников вырабатывается привычка мыслить при помощи зрительных образов: в их среде довольно часто наблюдается словесная визуализация явлений нематериальных. У Шевченко интенция визуальности оказывается настолько высокой, что поэт легко имплантирует в текст абстрактные категории как четкие визуальные топосы души, судьбы, тоски, времени, смерти, мыслей».¹⁰

Знаковой для творчества Тараса Шевченко этого периода оказывается поэма «Москалева криниця», к работе над которой он возвращается дважды: в начале и в конце ссылки. Наиболее удачным, по нашему мнению, является анализ этого произведения представителем украинской диаспоры Леонидом Плющом. Для анализа названной поэмы ученый использует психологическую модель Л.Выготского и модель усиления А.Жолковского, которые взаимодополняют и конкретизируют друг друга: «два плана художественного действия – это разворачивание в двух плоскостях (аспектах) эмотивно-амбивалентного элемента, разворачивание в два противоположные элемента, которые соревнуются друг с другом. В результате художественного развития этого соревнования (точнее – взаимодействия) эти элементы сливаются снова в синтезе, что и рождает

⁸ Генералюк Л. Візуальний код Шевченка // Слово і час. – 2004. – № 3. – С. 58.

⁹ Шевченко Т. Кобзар. – Х.: Школа, 2002. – С. 438.

¹⁰ Генералюк Л. Візуальний код Шевченка // Слово і час. – 2004. – № 3. – С. 58-59.

катарсис».¹¹ Подобный подход к анализу произведения позволяет Л. Плющу сделать вывод о том, что поэма является «творческим актом поэта, в котором сущность поэтического метода, структура поэмы, сюжет и идея соответствуют друг другу и могут быть охарактеризованы как преобразование души поэта в новый мир, сублимация страданий поэта – через страдания его героев – в радость добротворческой жизни».¹²

Таким образом, сопоставление известных фактов жизни Тараса Шевченко в течение ссылки, его письма, записи дневника, поэзия дают основания утверждать, что жизненные испытания привели к определённым изменениям в мировоззрении мастера, закалили и обострили восприятие им окружающего мира, отточили его мастерство. Своеобразным итогом этого жизненного этапа стала выработка новой творческой манеры Шевченко: «Метафорический стиль периода «трёх лет» уступил тенденции к автологичности, к свободной разговорной интонации, что ощутимо стало заметно в структуре лирического сюжета. Теперь в его лирике преобладает психологический тип рефлексивной медитации, в основе которой лежит самоанализ, интроспекция, размышления о своей жизни, которые в большинстве случаев имеют социальный и общечеловеческий морально-философский подтекст. В этих медитациях вырабатывается оригинальный шевченковский аналитический стиль, который тонко передаёт динамику мысли, настроения, полифонию поэтических мотивов, индивидуальную психологическую неповторимость духовного мира автора».¹³

¹¹ Плющ Л. Екзод Тараса Шевченка. Навколо «Москалевої криниці». Дванадцять статтів. – К.: Факт, 2001. – С. 324.

¹² Плющ Л. Екзод Тараса Шевченка. Навколо «Москалевої криниці». Дванадцять статтів. – К.: Факт, 2001. – С. 347.

¹³ Мовчанюк В. Медитативна лірика Т. Г. Шевченка. – К., 1993. – С. 95

Г. Д. Зленко,
писатель, заслуженный деятель искусств Украины

Их объединило Аральское море: эпизод из жизни Т.Г.Шевченко

В моем домашнем архиве – многочисленные свидетельства дружбы с Леонидом Наумовичем Большаковым.

Первую свою книжку - «По следам оренбургской зимы» он презентовал мне весной 1969 года. Последующие его произведения – целая библиотека!- Были получены в течение трети века. Они бережно хранятся и весьма плодотворно используются в исследовательской работе. Недавно мною были написаны свыше пятисот статей для готовящейся к выходу в Киеве, в институте литературы Национальной академии наук, четырехтомной «Шевченковской энциклопедии». Несколько десятков статей основываются на открытиях Леонида Наумовича.

Нам выпало встречаться неоднократно. Помнятся волнующие беседы в издательстве «Маяк», где я работал в первые годы нашего знакомства; в стенах Одесской государственной научной библиотеки имени М.Горького, где я работаю вот уже несколько десятилетий; мы бродили по улицам черноморского города с памятными знаками в честь Т.Г.Шевченко, который так стремился сюда, чтобы свидеться с Варварой Репниной, Андреем Лизогубом, Аркадием Вегжиновским, - но так и не попал в Одессу.

Переписка с Большаковым была интенсивной. Мы помогали друг другу решать очень сложные вопросы биографии и творчества поэта. С глубоким волнением я встречал каждую новую работу Леонида Наумовича и откликался не только в письмах, но и в печати. Просматривая свой библиографический указатель, нахожу в нем статьи «Неопубликованный Пестель» (1973), «Мандривк в крайну поет» (1982), «Беспокойство

неустанного поиска» (1983), «Быль о Тарасе» (1994). О находках и мыслях Л.Большакова шла речь и в ряде других материалов.

Сейчас, когда Леонида Наумовича уже нет среди живых, я не забыл о нем. Вот самый мой последний рассказ литературного следопыта, в котором присутствует человек, о котором писал и Большаков... Он напечатан в журнале «Науковий свит», издаваемом Высшей аттестационной комиссией Украины (№ 1, 2008 г.). Я не стал переводить украинский текст. Пускай остается в первоизданном виде в память о Леониде Наумовиче, который вышел с Украины и остается дорогим для нее как один из крупнейших шевченковедов.

Надеюсь, и повествование о судьбе Алексея Ивановича Макшеева будет встречено с тем пониманием, которое связывало нас с Большаковым, писавшим на разных языках, но ощущавших сердце друг друга.

* * *

От редколлегии: публикуя присланный Г.Д.Зленко материал, мы искренне благодарим главного редактора украинской газеты «Оренбургская криница» В.Н. Пономаренко за перевод текста статьи на русский язык.

Их объединило их Аральское море

Долго и, казалось совершенно безнадежно, я разыскивал первоначальное изображение этого человека. Было известно, что в 1848 году, во время экспедиции на Аральское море, его нарисовал Тарас Шевченко. Сам изображенный на портрете оставил такое сообщение: «В китайке со мною жил Тарас Григорьевич Шевченко. По утрам он рисовал акварелью мой портрет, но со сходством ему не везло. И поэтому он его не закончил. Руки и отчасти одежду дорисовал затем казак Александр Чернышев, родной брат известного художника, и в таком виде портрет сохранялся у меня. Я ценю его как прекрасную картину, как память о Шевченко. К великому сожалению, дочь изображенного через треть столетия после его смерти сообщила: «Этот портрет... пропал с квартиры... весной 1921 года».

Я внимательно изучал биографические и библиографические материалы, которые так или иначе касались знакомого Шевченко. И вот в труде генерал-майора Николая Глиноецкого «Исторический опыт Николаевской академии Генерального штаба» (1882) обнаружил воспоминание, что в 1869 году в журнале «Всемирный путешественник» были опубликованы заметки «Из дневника русского путешественника в Алжире» с портретом желанной мне особы. Эта публикация якобы увидела свет и в отдельном виде. Разыскав раритетный сегодня тридцать второй выпуск упоминаемого периодического издания, которое чудом сохранилось в фондах Одесской государственной научной библиотеки имени М.Горького, я натолкнулся на заметки «Из дневника...», под которым стоит криптоним А.М., и графический «Портрет путешественника» без ссылки на имя последнего. Сомнения, что это именно тот, кого я так хотел увидеть, развеялись после первого же абзаца текста: «Проведя шесть лет на юго-восточной окраине России с того момента, когда только-только началось непосредственное движение россиян в киргизские степи и на Сыр-Дарью, я между делом увлекся вопросом об отношениях между Россией и Азией и, в общем, Европы к Азии». Передо мной предстал изображенный в полный рост Алексей Иванович Макшеев, когда его возраст приближался к пятидесяти.

Сведения о Макшееве имеются в многочисленных справочных изданиях, даже в «Энциклопедии украиноведения» (1994, т. 4). Но точная дата рождения – 12 мая (по старому стилю) 1822 года имеется только в труде М.Глиноецкого, откуда она и перешла в словарь И.Масакова (т.5). Не стоит также искать во всех справочниках сведения о месте рождения и родословной Макшеева. Если принять к сведению то, что Макшеев воспитывался в Новгородском графа Аракчеева корпусе, а затем – в Дворянском полку, который был элитным войсковым формированием, позже превращенным во второе Константиновское училище, с уверенностью можно сказать, что родители Макшеева занимали значимое место среди богатых слоев. В 20 лет Алексей Иванович стал прапорщиком лейб-гвардии

Литовского полка, через два года поступил в Николаевскую академию Генерального Штаба и окончил ее весной 1847 года, добровольно избрав дальнейшее место службы на восточной окраине империи, в отдельном Оренбургском корпусе, куда прибыл 23 декабря этого же года.

В это же время рядовым корпуса в расквартированной в Орске третьей роте пятого линейного батальона был политический ссыльный Тарас Шевченко, отданный в войска под строжайший надзор с запретом писать и рисовать. В первой декаде мая 1848 года он был зачислен в состав будущей Аральской описательной экспедиции под командой капитан-лейтенанта Алексея Бутакова. Членом этой экспедиции стал также Макшеев. И хотя он 4 мая приезжал из Оренбурга в Орск, познакомиться с Шевченко ему довелось только во время движения транспортов, которые шли из Орской крепости в Раимское укрепление. О своих отношениях с поэтом Макшеев рассказал в книге «Путешествия в Киргизских степях и Туркестанском крае», изданной в 1896 году, когда автора уже не было в живых.

«В первом переходе я познакомился с Т.Г.Шевченко... Я предложил несчастному поэту и художнику пристанище во время похода в своей джоломайке, и он принял мое предложение. Весь поход Шевченко осуществил пешком, отдельно от роты, в гражданском легком пальто, так как в степи ни от кого, а особенно от него, не требовали соблюдения формы одежды. Он был очень веселым и, очевидно, очень удовлетворенным раздольем степи и сменой обстановки. Походные условия его нисколько не тяготили... Он много рассказывал о разных эпизодах своей жизни, однако о больших политических – никогда не говорил ни слова. Особенно отложился в моей памяти рассказ Шевченко о школе, в которой он учился... Другой его рассказ – о начале солдатской жизни... Единственная книга, которая была у Тараса Григорьевича с собой, была славянская Библия, а впрочем, он читал ее мало и никогда ничего не писал».

Макшаев рассказывает о совместном проживании с Шевченко в Раимском укреплении, где готовили шхуну, на которой должны были войти в

Аральское море, о плавании по Аралу в одной каюте с поэтом, о чудесном акварельном альбоме пейзажей, созданном Шевченко. «В силу чрезвычайных обстоятельств, – говорит он, – альбом не был допущен вместе с другими описательными трудами, и художник лично подарил его Карлу Ивановичу Герну, который предоставил ему уют в своем доме в Оренбурге (*С Герном он познакомился во время перехода из Орска в Раимское укрепление, в Карабутаке, где тот руководил сооружением форта – Г.З.*). Несколько лет назад я обратился к родственникам покойного Карла Ивановича с просьбой разыскать альбом и позволить его издать, но, несмотря на заинтересованное отношение к данной просьбе, ни один из пейзажей Аральского моря до сей поры не найден (*Неизвестна судьба альбома и ныне – Г.З.*)

Осенью 1848 года Макшеев вернулся в Оренбург, а Шевченко остался с командой Бутакова в Кос-Арале, где формировали отчет о проделанной работе и готовились к ее продолжению. Связи прервались – и надолго. Лишь весной 1849 года Алексей Иванович получил письмо от младшего врача Раимского лазарета Арсентия Михайловича Лаврова, в котором была помещена небольшая вставка рукой Шевченко, публикуемая ныне как один из четырех эпистолов поэта, обозначенных 1849 годом.

«Я уже два месяца как оставил свою резиденцию Кос-арал, почему и не могу вам сообщить ничего нового о тамошнем житье-бытье любезного Алексея Ивановича (имеется в виду А.Бутаков – Г.З.), а о Раиме и говорить нечего – неизменный! В воспоминании вашем о плавании по морю бурному Аральскому оставьте уголок для не забывающего вас Т.Шевченко».

Это единственное письмо поэта к Макшееву сохранилось в семейном архиве Алексея Ивановича и было опубликовано Натальей Алексеевной Макшеевой в киевском журнале «Жизнь и революция» в 1927 году, без выяснения личности Лаврова, переименованного в Лаврентия. Через тридцать лет Данил Иофанов опубликовал уточненный документ, исправив некоторые описки, но вновь не прокомментировал личность «А.Лаврова». В книге Д.Иофанова «Материалы о жизни и творчестве Тараса Шевченко» (1959)

был представлен автограф Шевченко, – однако в последнем шеститомном собрании сочинений поэта (2005, т.6, стр. 47) текст письма не в полной мере отвечает этому автографу. Еще обиднее то, что личность А.М.Лаврова вновь оставлена без объяснения, хотя давно – с 1971 года, существует книга Л.Большакова «Годы невольничьи», где среди окружения Шевченко находим также Лаврова Арсения Михайловича, который лечил поэта, в частности, с 10 по 30 августа 1848 года (автор ссылается на архивный документ). Покойный Василий Шубравский не заметил труд Л.Большакова, оставив открытие личности А.М.Лаврова для будущего комментатора писем поэта.

Шевченко и Макшеев не виделись до апреля 1860 года. Поэт вернулся из ссылки, съездил на родину, осуществил новое издание «Кобзаря». «В Петербурге Шевченко чуть ли носили на руках. Он стал знаменитостью, но я с ним не виделся, – вспоминал после Алексей Иванович. – Он не посчитал нужным навестить давнего товарища, с которым в трудную пору своей жизни делил хлеб-соль и не имел даже малейших неприятностей. А я не считал возможным ехать на поклон к знаменитости, в которой хотел бы видеть, прежде всего, человека. Только однажды мы встретились издали на каком-то спектакле (это была «Провинциалка» Ивана Тургенева и «Женитьба» Николая Гоголя – Г.З.) в огромном зале театра, и Шевченко послал мне глазами и рукой дружественное приветствие, на которое я ответил тем же. Вскоре он умер».

Память о поэте жила в душе Макшеева. В конце 1850-х годов, находясь в заграничной командировке, Алексей Иванович познакомился с художником Евграфом Сорокиным, будущим академиком (с 1861), профессором исторической живописи и рассказал ему о своем участии в Аральской экспедиции, знакомстве с Шевченко. Выяснилось, что Сорокин учился одновременно с поэтом в Академии искусств; он с большой теплотой вспоминал совместную учебу.

Прошло почти полтора десятка лет. Зимой 1871 года Макшеев неожиданно получил письмо от Сорокина. В нем Евграф Семенович

обращался с просьбой о содействии одному из почитателей покойного Шевченко, который собирал материалы для его биографии. «Узнав от меня, – писал Сорокин, – что Шевченко был в команде вашей экспедиции по Аральскому морю, он просит ... сообщить, по возможности, все, что знаете и помните о его деятельности во время пребывания в Орской крепости, тем обяжете за вас вечно Бога молить меня и своего биографа-хохла, преподавателя истории в нашем Строгановском училище В.И.Маслова».

Маслов, как позднее сообщил Сорокин, был восхищен ответом Макшеева. Однако воспользоваться им он сразу не смог, так как сначала попал под арест по политическим мотивам, а после заболел и остался без средств к существованию.

В 1874 году он опубликовал в журнале «Грамотей», а затем еще и отдельной книгой биографический очерк о Шевченко – первую попытку этого труда. Здесь он преподнес некоторые сведения о Шевченко, которые сообщил Макшеев, о чем написал последнему только в ноябре 1880 году, пообещав когда-нибудь доставить публикацию, – но вскоре умер. Очерк Маслова во второй раз увидел свет в 1887 году, но за 5 лет до этого вышли материалы к биографии Шевченко, упорядоченные Михаилом Чалым, который воспользовался также воспоминаниями Макшеева, опубликовавшего их под сокращенным именем М – в (считают, что Маслов передал ему кое-что из собранного, в частности, заметки Алексея Ивановича).

Макшеев отошел в мир иной 2 апреля (по старому стилю) 1892 года. Его наследницей стала дочь Наталья Алексеевна, которой тогда исполнилось 23 года. Она занималась исследованиями в области истории русской письменности и знала цену отцовским литературным произведениям. В 1896 году она издала его записи об участии в Аральской экспедиции А.Бутакова, которые содержали несколько порой кратких, а порой пространных воспоминаний о Шевченко (теперь они доступны каждому заинтересованному читателю – достаточно открыть том воспоминаний о

поэте в издании 1892 года). К 100-летию со дня рождения Тараса Григорьевича в журнале «Русская старина» (1914, №5) были опубликованы «Воспоминания А.И.Макшеева о Т.Г.Шевченко», к которым Н.А.Макшеева подготовила короткое предисловие. Когда сравниваешь этот текст с тем, что вошел в книгу «Путешествие по киргизским степям и туркестанскому краю», находишь вереницу присущих только «Русской старине» деталей, имеющих также в материалах, составленных Н.Чалым. Очевидно, последняя публикация была ответом, присланным в свое время Василию Маслову; позже для «Путешествий по киргизским степям...» Макшеев существенно доработал их.

Неизвестно по чьей инициативе Наталья Алексеевна осветила взаимоотношения отца и поэта в основополагающей статье «Т.Г.Шевченко в Аральской экспедиции», которая вошла в мартовский номер журнала «Жизнь и революция» в 1927 году (стр.345-351).Издание сопровождалось следующим редакционным замечанием: «Редакция размещает эти материалы дочери Алексея Макшеева, которые специально направлены в наш журнал и теперь преподносятся в переводе на украинский язык. Известные специалистам-шевченковедам воспоминания А.И.Макашева уже были опубликованы в журнале «Русская старина», но они малоизвестны широкому кругу украинских читателей, и поэтому редакция считает, что не помешает еще раз возобновить бытовые обстоятельства путешествий Шевченко по Аральскому морю. Статья Н.А.Макшеевой интересна еще и тем, что преподносит некоторые новые материалы времен той экспедиции, а также раскрывает историю первых попыток биографии Шевченко».

Наталья Алексеевна Макшеева жила тогда в Ленинграде по адресу: улица Союза печатников, 18, квартира 27. В начале второй мировой войны ей было 72 года. Где и когда оборвалась ее жизнь? Остался ли кто из семейства Макшеевых в нынешнем Санкт-Петербурге? Это так бы хотелось знать. Ведь разговор о Макшееве и Шевченко, собственно, только начался.